

ИЗ „СОЗВЕЗДИЯ“ КЛАССИКОВ

СЕГОДНЯ — 100 ЛЕТ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ А. К. ГЛАЗУНОВА

«Большой, грузный и как будто погруженный в себя человек с опущенной на грудь головой и полузакрытыми глазами, он был полон неукротимой и страстной жизненной энергии во всем, что касалось музыки», — вспоминает о Глазунове один из его товарищей по искусству, пианист Шмидт.

Таким внешне спокойным, уравновешенным смотрит на нас Глазунов и с многочисленных фотографических портретов разных лет.

Творческая деятельность Глазунова, охватившая последнюю треть девятнадцатого и первую треть двадцатого столетий, стала как бы соединительным звеном между классическими традициями русского музыкального реализма и советской музыкой. В этом важнейшая историческая роль композитора.

Глазунов принял «творческую эстафету» непосредственно из рук наследника славных реалистических традиций Михаила Глинки, главы «новой русской школы» Милия Балакирева. Ему он обязан и началом композиторского образования, и первым творческим дебютом. В 1882 году Балакирев протиривал Первой симфонией семнадцатилетнего Глазунова, признанной Римским-Корсаковым и его друзьями «юной по вдохновению, но уже зрелой по технике и форме».

Профессиональное развитие и формирование творческой индивидуальности Глазунова проходило под руководством и наблюдением Римского-Корсакова, прославленного русского композитора и педагога. Стремление к программности музыки, ее образной конкретности, национальной окрашенности музыкального языка отразилось на многих сочинениях Глазунова.

Его влекли к себе античность, средневековье с его романтикой рыцарства и поэзией певческих состязаний, монументальность и гармония старинных архитектурных пропорций. Фантазию юноши волновал Восток с его легендами, сказками, узорчатыми мелодиями, извилистыми, упругими ритмами. Все это пи-

тало музыкальное воображение Глазунова и вызывало к жизни немало прекрасных музыкальных образов.

Для первого этапа творческого развития Глазунова показательны и его русские по тематике программные сочинения — симфоническая поэма «Стенька Разин», оркестровая картина «Кремль», увертюры «Славянский праздник» и другие.

Живого интереса была полна для композитора и стихия танца: разнообразные сочинения в ритме танцев послужили композитору как бы подготовкой к созданию трех чудесных балетов, непосредственно развивающих традиции Чайковского. Это — «Раймонда», «Баришняя-служанка» и «Времена года». Сюжеты и сюитный тип их драматургии близки характеру дарования Глазунова. Мелодическая щедрость, разнообразие гармонического и тембрового колорита, ритмическая энергия и подлинная симфоничность балетных партитур Глазунова стали залогом их долгой сценической и концертной жизни.

Пленяясь красотой и полнокровием жизни, нередко уходя в прошлое, Глазунов долгое время не задавался общественными вопросами и оставался несколько односторонним, замкнутым в кругу чисто художественных интересов. Лишь революция 1905 года пробудила в душе Глазунова гражданские чувства. Он откликнулся на нее небольшим по объему, но волнующим произведением, обработкой для хора и оркестра бурлацкой песни «Эй, ухнем!», отражающей стихийную мощь русского народного характера. Тогда же он протиривал спектаклем «Кащей бессмертный» Римского-Корсакова, который по политическому резонансу был подлинно революционным. Высокого мужества поступком был для Глазунова и уход из Консерватории — в знак протеста по

поводу увольнения Римского-Корсакова за сочувствие революционно настроенной молодежи и участие в студенческом митинге.

Глазунов справедливо причислен к «созвездию» русских классиков. В творчестве его, отмеченном печатью несомненного своеобразия, причудливо переплетаясь, сходятся лучи, идущие от разных музыкальных «светил» — Балакирева и Римского-Корсакова, Бородина и Лядова, Чайковского и Танеева, от западных композиторов — Шопена, Листа, Вагнера, Брамса. Но сходятся они лишь для того, чтобы ярче озарить, яснее очертить пути его собственной, самостоятельной творческой мысли.

Может быть, не менее значительны, чем творческие, заслуги Глазунова — воспитателя музыкальных кадров, трогательно внимательного учителя, прозорливого в оценке молодых дарований, мудрого наставника молодежи. В течение почти трех десятилетий (с 1899 по 1928 год) Глазунов — профессор, а затем выборный директор Петербургской-Петроградской-Ленинградской консерватории. Он был поистине душой творческой жизни всего коллектива Консерватории — кузницы музыкальных кадров страны.

Хотя к сознанию необходимости избирать свое место в обществе, отчетливо определять свою гражданскую позицию Глазунов пришел сравнительно поздно, но занял ее он прочно. В первые трудные послереволюционные годы композитор стал в ряды активных строителей молодой советской культуры, что и было с благодарностью отмечено прави-

тельством — присвоением Глазунову почетного звания народного артиста республики (6 ноября 1922 года).

Работа в Консерватории, участие в создании художественной самодеятельности требовали много времени и сил. Между тем здоровье стареющего композитора ухудшалось и настоятельно требовало серьезного лечения.

В 1928 году Александр Константинович выехал для лечения за границу. В первые годы он совершил концертную поездку по столицам Европы и по Америке, где с большим успехом выступал с авторскими концертами. Но вскоре силы его окончательно иссякли. Угнетало одиночество. Гасли творческие силы. Письма к друзьям полны интереса ко всему происходящему на Родине...

21 марта 1936 года Глазунов не стало. Он умер в больнице, среди людей, говоривших на чужом языке. Но облик его не замутнен годами, проведенными за рубежом: он был и остался патриотом, большим деятелем русской культуры.

Наталья ШУМСКАЯ,
музыковед